

Татьяна Чевордаева

Путь

2013

*Светлой памяти моей матери —
источника и автора моего
творческого вдохновения —
посвящаю...*

Маленькие этюды и большие чувства

Вы держите в руках сборник литературных этюдов Татьяны Чевордаевой. Девятнадцать небольших авторских зарисовок на разные темы — от мировых до бытовых — предлагают читателю погрузиться в интересный мир автора, увидеть окружающую действительность её взглядом — пытливым, подробным, тонким взглядом поэта и художника. Автор предлагает вместе с ней подумать, например, о свойствах камней и минералов, о зависимости характера человека от цвета его глаз. Возродить в своей памяти и снова почувствовать весёлый первый день зимы, живо ощутить грусть холодных дней поздней осени. Да, наверное, и просто насладиться красивыми описаниями разных явлений нашей повседневности и интересными жизненными историями.

Литературные этюды Чевордаевой могут быть интересны читателю не только своими сюжетами, но также стилем повествования, грациозностью языка. Эти маленькие прозаические этюды очень похожи на поэзию: из-за мелодичности слога и тонкости звучания, их образности и большой концентрации чувств в небольшом по форме произведении. Автор много «работает красками», стараясь раскрасить привычные будни в яркие тона. Об этом говорит большое число прилагательных и причастий в тексте, на которые просто невозможно не обратить внимание. Почти каждый образ, каждая вещь, каждая деталь «раскрашена» автором: это «струящаяся мелодия», «чарующая мгла», «скупые лучи», «точёные столы», «давящая тишина». Часто автор олицетворяет явления, и от этого мир в её этюдах оживает, он дышит, он чувствует. Вот, например: «упрямый свет», «уставшая Земля», «добрый вечер», «назойливый дождь».

Не пожалейте своего времени и прочитайте эти маленькие этюды. Может быть, вам будет интересно представить себе то, о чём вы просто не задумывались, и посмотреть на мир глазами художника и поэта...

Валентина ЕФРЕМОВА

Вечер. Ожидание

Вечер. Сумерки. Плотные шторы уже закрывают замёрзшие окна. Мягкий свет бра освещает небольшую комнату. Тихая, струящаяся мелодия «Лунной сонаты» Бетховена заполняет пространство, отодвигая давящую тишину. На полках, возле книг, – фотографии близких людей.

Письменный стол, освещённый маленькой настольной лампой, — в творческом беспорядке, завален грудой бумаг, схем, словарей. И подле этого рабочего хаоса, на краешке стола, приютилась маленькая чашка горячего кофе.

Впереди длинный зимний вечер. Человека ждёт большая работа.

Путь

Жизнь — это дорога. Так считают на Востоке. Монголы говорят: «По числу пройденных перевалов жизнь ценится». Мы выходим в путь, не зная карты маршрута. Кто-то интуитивно, но очень умело ориентируется по солнцу и звёздам, по местности; другие топчутся на месте. Одни, сжигая за собой мосты, смело идут вперёд, к сверкающим в лучах солнца вершинам; другие тихо и спокойно устраиваются среди долины. Там, наверху, разрежённый воздух и трудно дышать, но неведомая высота всегда властно манит смельчаков.

Самый главный судья — беспощадное время. Ветер рвёт стремена. Кони мчатся аллюром. Всё сильней жизни вихрь. Капли пота на шлеме. И блесит серебром седина шевелюр...

Приметы времени

Прогресс и мода. Эта пара на рубеже третьего тысячелетия, похоже, сделала решительные шаги навстречу друг другу.

Ровным, чуть слышным гулом встречает вас сегодня рабочий кабинет офиса, учреждения, фирмы. Мониторы компьютеров, словно скафандры таинственных инопланетян, смотрят с рабочих столов. Точёные столы тёмного дерева, заставленные аппаратурой и оттенённые чёрными винтовыми креслами, напоминают кабины межпланетных звездолётов, мчащихся к загадочным далёким мирам.

Но вы на Земле. И отдёрнуты жалюзи, и влага дождя заползает в окно. Из магнитола льётся музыка Вивальди, а на стенах картины — репродукции Пикассо или Клода Моне. Модно.

Вы на Земле, где слились воедино мода, фантастика и прогресс. Вы на Земле, где не хлебом единым жил и всегда будет жить человек. Здесь, на Земле, полыхают рассветы, гаснут закаты в чарующей мгле. Пламя борьбы и мечта созидания вечно живут на уставшей Земле.

Наши глаза

Зеркалом души назвал однажды глаза Антон Павлович Чехов. Органом зрения называют их медики. Замечательный советский писатель-фантаст и учёный-палеонтолог Иван Антонович Ефремов в своём романе «Час быка» дал прекрасную историко-антропологическую характеристику наших глаз нашими далёкими потомками:

«Но вернёмся к глазам. На первом месте находились чисто зелёные глаза, и это вполне естественно по биологическим законам здоровья и силы. А кто на втором месте? Синие или фиалковые, яркого оттенка. Дальше по нисходящей шли серые, потом карие и голубые. Очень редкими были, а потому и высоко ценились, топазовые глаза или золотистые, но они считались зловещими, потому что походили на глаза хищных животных: кошек, тигров, орлов.

— А для мужчин был какой-нибудь критерий?

— Зелёных глаз у них, видимо, не было, да и синих тоже. Чаще всего — серые, как сталь, или голубые, как лёд, признак сильных, волевых натур, настоящих мужчин, подчиняющих себе других, всегда готовых пустить в ход кулаки или оружие».

Глаза человека — не просто зеркало души. Они

— зеркало возраста, характера, настроения, здоровья.

Глаза ребёнка лучисто-чисты. В них постоянный вопрос маленького «почемучки». В глазах матерей всегда настороженность и тревога.

С разъярёнными глазами маленьких тигрят кидаются мальчишки на своих обидчиков. Холодом и стальной решимостью полны глаза воинов, идущих в бой.

Лицо может оставаться холодной маской, а глаза будут смеяться и негодовать, плакать, лукавить, кокетничать. Язык глаз понятен каждому ребёнку. Говорят, что девочки раньше мальчиков осваивают эту азбуку.

Разным бывает разрез глаз: европейский, монгольский, армянско-персидский, еврейский, африканский.

Глаза украшают ресницы и мысли, что живут в их бездонной глубине.

Страшны глаза безумцев.

Трагичны глаза слепых.

Мир, словно в зеркале, отражается в наших глазах. Так было, так есть и так будет.

Заповедные вечера

«Не слышны в саду даже шорохи», — это о наших, подмосковных вечерах было спето впервые около полувека назад. Но сегодня шум большой цивилизации вторгся и в наш когда-то тихий уголок. И всё-таки подмосковные вечера трепетно оберегают свою заповедность. Уже прошёл Иван Купала, на час убавили световой день Павел с Петром, прошёл день Ильи. Но ещё светлыми и долгими остаются летние вечера. Лучи уходящего за горизонт солнца освещают раскаленные глыбы домов. Лёгкая прохлада спускается на уставшую от дневной жары зелень. Бесстрашные стрижи стремительно бороздят притихшее небо. Гаснут яркие краски художницы по имени Природа — величайшего мастера в мире. Дымчатая пелена застилает небосвод. Всё реже слышатся шаги запоздалых прохожих, а солнце уже узкой малиновой полосой, освещая горизонт, всё ещё держит в своих лучах жёлтое марево поднебесья. Но вот плотная лазурная синь гасит и этот упрямый свет. Солнце уходит за горизонт. И только свет фонарей люминесцентными лучами кое-где освещает погасшую зелень.

Наступает короткая тёплая тихая летняя ночь.

Свеча

В новогоднюю ночь особенно трогает душу нежное пламя свечи. Зажжённая на праздничном столе, она озаряет своим нежным ласковым светом и топазовое стекло «Золотого шампанского», и хрустальные фужеры. Даже сельдь, украшенная овощами, напоминает серебристый клинок, инкрустированный самоцветами.

Но присмотритесь к самой свече. Она живёт своей особой жизнью. Напряжённо, словно пробуя силу, загорается новая свеча. Жадный огонь медленно поглощает тонкий фитиль.

Первая струйка воска, словно слеза, скатилась по её упругому телу, оставляя узкий выпуклый след.

Горит свеча. Её пламя играет переливами цвета в загадочном танце огня. Пламя свечи — язычок огня, по форме напоминает беличий хвостик, живо и радостно смотрит на вас. Говорят, огонь очень красный, но у свечи он никогда не имеет красных тонов.

Светло-голубой у основания, пройдя тонкую, узкую полосу нежно-оранжевого венца, язычок пламени свечи обретает цвет солнечного диска во время зари и заканчивается нежно-дымчатым кончиком, окружённым бледно-золотистым ореолом. Маленькая частичка солнца — частичка огня, добытого для людей Прометеем, живёт на вашем столе.

Предзимье

Поздняя осень. Безбрежная лазурная высь пронизана стылым холодом предзимья. Уже суетливо жмутся к жилищу людей бойкие синицы, но за городом, в лесу солнце по-прежнему играет светом и тенью. Вот сильный яркий луч скользнул по стволу раскидистой старой сосны, и словно золотом среди камней заискрились чешуйки коры могучего дерева. А рядом, будто выточенные из чёрного серебра, стыдливо прячась в мантию раскидистой хвои сосен, обрамлённые нежным тонким кружевом упругих ветвей, стоят среди иглистых соседей тонкоствольные берёзы.

Чуть ниже, на ажурном, плетёном узоре ветвей висят изящные корзиночки — то полыхают красным цветом ягоды рябины, бузины, калины. Пламя ягод от золотого красного до яркого пурпура радует ваш глаз.

И ещё ниже, ветвями своими, их оголённым изгибом, похожий на волосы-лохмы загадочной бабы-яги, торчит над пожухлой травой вездесущий кустарник. А подле, как платки и косынки цыганского табора, украшает-устилает притихшую землю опавшая и чуть пожухлая листва.

Меж деревьев, среди поникших стеблей крапивы, иван-чая и другой ещё вчера буйной зелени, вьётся, убегая вдаль, лесная тропа. Чёткие, промытые осенним дождём, блестят отполированными боками, словно змеи, пересекая неведомый путь, корни берёз и сосен.

Притихли птицы. Замерла природа. Предзимье, словно лёгкий сон, нисходит с небосвода. А следом крепкий сон зимы захватит лес в свои объятия. И будет длиться до весны пора покоя, зыби счастья.

Первый снег

Целые сутки шёл снег. Лохматый, пушистый, он плавно опускался из серой облачной небесной выси. Кружась в феерическом танце, снежинки тихо ложились на белые, воздушные, пышные шапки, копны и колпачки, что успели за ночь образоваться на гроздьях рябины и кистях ясеня. И голые ветви клёнов и тополей также укрылись пушистыми бело-снежными манто.

Играет во дворах детвора, бойко кидая снежки. Стремительно мелькают снежные шарики. Строятся горки и снежные крепости. Часовыми незыблемости наставшей зимы встают снеговики.

Но вот из подъезда одного из домов выбежал карликовый шпиц. Рыжий щенок-первогодок резвился на первом снегу! Маленький, похожий на лисёнка, он так живо радовался снегу, так храбро бросался в неведомые для него сугробы, всем существом своим выражая огромный восторг, что вскоре покрылся мелким ледяным бисером.

Тихо, не колышась, стоят деревья, словно оберегая первый снежный покров. Воздух тих и прозрачен. Эта огромная снежная масса, что покрывала

землю, пройдя сквозь слои атмосферы, словно вымыла каждую капельку воздушного потока, встреченного на своём пути.

Ещё ждут впереди снегопады и оттепели, морозы и гололёд. Но эта ажурная первозданная красота зимы уже не повторится, как не вырастет вновь первый локон ребёнка. Ведь имя ей — первый снег.

Улыбка осени

Поздняя осень. Мы уже привычно кутаемся в тёплые пальто, поднимая воротники, защищающие нас от порывов холодного ветра.

Но вот, словно случайно, выдался ясный, солнечный день. Лазурное небо искрилось солнечными лучами, озаряя редкие, воздушные, кучевые облака, которые плыли по небу словно бы лишь для того, чтобы где-то внизу, на уже остывшей от летнего зноя земле, скользнули и встретились луч света и блик тени. Ведь в этом холодном мире мы всё чаще оказываемся окружёнными резкими контрастами света и тени. А этот ясный осенний день как будто решил напомнить нам, входящим в объятия студёной зимы, что в мире есть множество красок, оттенков и полутонов. Посмотрите, как искрятся пламенем гроздь рябины, как мерцает, колышась на порывистом ветру, последний жёлтый кленовый лист. Словно изогнутые струны таинственной арфы, светятся оголённые ветви белоствольной берёзы, и блеском холодной стали пронзают прощальную голубизну этого яркого осеннего неба голые ветви

упругого ясеня. А чуть ниже, как подарок от ушедшего лета синицам и снегирям, колышутся золотистыми серьгами, ожерельями и бахромой золотистые кисти-гроздь ясеня.

Короток осенний день. Краток солнечный зенит. Пелена осени вновь наползает на небо. Скоро из этого холодного, серого, стылого поднебесья опустится на землю снежный покров.

Мелькнула мгновеньем яркая улыбка осени...

Осенний этюд

Осень. Туманное утро. Из-под давящей пелены облаков на землю брызжет нудный косой дождь. Быстро намокший, потемневший асфальт, словно магнит, притягивает к себе жёлтую листву. Мозаичным панно застилает дорогу жёлтая, красная, жухло-зелёная листва. В вишнёвом убранстве шапки кустарника. А среди жёлто-зелёной листвы рябины полыхают алым огнём спелые гроздья. На ветках боярышника, среди листвы и ягод, мелькают бурые намокшие комочки — всеядные воробьи нашли элитную столовую. Ведь боярышник — любимое блюдо зимующих в Подмоскovie пичуг. А в скверах и на бульварах, укрытая листвой, в разноцветье персидских ковров, пружинит под ногами пожухлая трава.

Вот блеснули лимонной грудкой синицы. Жмутся к подъездам домов голодные бездомные собаки. Укрытые зонтами, спешат по делам люди. А скоро загорятся на деревьях маленькие алые фонарики — красногрудые с дымчатым опереньем снегири появятся в наших краях.

С неба льёт мелкий назойливый дождь. Осень. Зима не за горами.

Звёздное небо

Погода редко стала баловать чистым небом наше Подмосковье, но как-то совсем недавно выдался тихий звёздный вечер. Далёкие холодные звёзды надменно смотрели на землю. А мне вспомнился добрый южный вечер на Эльбрусе на высоте 3 800 метров, где располагался наш альплагерь. Маленькая площадка среди скал и уступов, на границе осыпи и фирна (смесь снега со льдом) была, словно шатром, накрыта звёздным небом.

Звёзды были так близко, что, казалось, их можно достать рукой. Свет звёзд согревал душу, мерцание планет успокаивало. И даже силуэты скал казались горцами, вставшими в дозор, чтобы защитить мир от бед и несчастий.

И вдруг одна из звёзд стремительно скользнула по небосклону. Говорят, это к счастью. Но ведь и «Эльбрус» переводится именно как «гора счастья».

И ещё символично — в горы в одиночку не ходят, звёзды на небе поодиночке не горят, и человек бывает счастлив только среди людей.

Пушистая инспекция

Как часто живая природа опровергает многие ошибочные научные представления, например, о несовместимости новых технологий с окружающей нас флорой и фауной. Придите к нам на Полигон, и вы увидите, что рядом с испытательными стендами мирно выют гнёзда сороки, в такт сваебойному оборудованию стучат дятлы, дорогу перед испытываемыми машинами шустро перебегают белки, а весной по утрам возле административного корпуса поют соловьи.

В кронах берёзы и ели, что растут у входа в административный корпус Полигона, открыл свою столовую дятел. А весной прошлого года, в дни заморозков, что были в конце апреля, он подлетел к окну корпуса на кормушку. (На многих окнах всю зиму висят кормушки для синиц и снегирей.) Трудяга-птица позволила себе принять корм из рук человека.

Осенью того же, прошлого, года я была свидетельницей того, как экологический рейд по Полигону совершала белочка. Лесная красавица, уже сменившая рыжую шубку на серую, появилась из Щенков-

ского леса, что примыкает к ИПК. Пробежав вдоль аллеи, идущей от проходной, и приветливо махнув хвостиком, она прямо перед колёсами медленно идущего тяжёлого бетоновоза перебежала дорогу и устремилась в лесопосадки, которые окружают стендовые корпуса.

Стены корпусов поглощают шум, а экологически чистая среда притягивает любознательных обитателей леса.

Конечно же, основа такого внимания животного мира к миру техники базируется на плодотворной деятельности экологической службы Полигона.

И будет прекрасно, если всё это сохранится для будущего: и новые технологии, и старый окружающий нас живой зелёный и пушистый мир. И не только у нас на Полигоне.

На стыке солнца и ночи

В суете будней нам редко выпадает счастье общения с природой, и лишь иногда, придя с работы, мы успеваем поймать последний луч уходящего дня.

Окна моей квартиры выходят на север-запад, что, естественно, лишая возможности видеть зарю, взамен дарит счастье наблюдать зарю вечернюю.

Ах! Как прекрасны бывают закаты! Солнце садится за горизонт, а небосклон озаряется его скупыми, но сильными лучами. Взять хотя бы вчерашний вечер.

Ярко-жёлтый закат опускался, приближался к земле. Жёлтое марево солнца, постепенно бледнея, уступало место на небе туманной серой дымке и наплывающей следом, сгущающейся ультрамариновой синеве ночи. Синеве, опускающейся словно из космической выси.

Закат гас, облака, плывшие на горизонте, сливались с тьмой наступающей ночи.

А вскоре на небе сквозь плывущие хлопья облаков можно было увидеть звёзды.

Ода дворняге

Последние годы нам очень часто приходится сталкиваться с такими аномальными явлениями, как майский снег или дождь на Крещение. Невольно возникает мысль о том, как мало мы, люди, дети природы, знаем её законы. И часто взгляд обращается на «братьев наших меньших» — собак, кошек и других животных. Говорят, что человек, рождаясь, наделён той же богатой гаммой инстинктов и чувств, что и любое живое существо. Так, установлено, что младенец не будет пить коровье молоко с запахом травы, которую он чувствует и которая ему по той или иной причине не нравится. Уже давно научно доказано, что серое, «мыслительное», вещество составляет кору головного мозга только человека. Подкорка же (это база инстинктов и двигательных рефлексов) присутствует у любого живого существа.

В нашем подъезде, в одной из квартир на первом этаже, живёт обыкновенная дворняга — пёсик по кличке Гриша, глядя на которого невольно задаёшься вопросом: «А может быть, постоянно идущая эволюция природы и в собак вселила определённую долю того, что всегда считалось человеческим разумом?»

Этот пёсик необыкновенно умен. В его повадках очень много сходства с тем, что мы называем человеческим обликом. Он хитёр, знает манеры, привычки всех членов семьи, в которой он живет. Он умеет улыбаться, оскаливая пасть, подняв верхнюю губу, и, по признанию его хозяйки, делает это всегда точно в нужный момент, особенно, когда чувствует вину перед хозяевами за позднее возвращение с прогулки домой. Он вежлив и галантен, никогда не полезет под ноги входящим в подъезд. Своих обнюхает, посторонится и пропустит, а иногда проводит и до дверей квартиры. Лакомка, но, опять же по рассказам его хозяйки, не будет просить, тявкая или толкая лапой, а сядет и будет смотреть в глаза, всем своим видом давая понять, что ему тоже хочется вкусенького. Любит мороженое, конфеты и шоколад. Как и многие собаки, он очень музыкален и долгими зимними вечерами, когда вся семья в сборе, любит «петь» под губную гармошку. Он знает себе цену, никогда не даёт себя в обиду другим собакам, а породистые доги, что живут этажами выше, побаиваются его, хотя он абсолютно миролюбив и не задирист. И вместе с тем он вальяжно-небрежен, словно, зная себе цену, почти никогда не

обращает внимания на свой внешний вид. Взъерошенная шерсть и воля — его стихия. Он может выйти из дома чисто вымытый хозяйкой, он ведь белый с дымчатыми пятнами, и распластаться в тёплой летней дорожной пыли. Обожает играть в футбол с пустой пластиковой бутылкой.

И никогда его лай не беспокоит соседей. Степенное «Гав!» раздаётся иногда поздним вечером, когда Гриша задержался на прогулке. Он любит волю и бегаёт по микрорайону, но его можно встретить и в более отдалённых уголках города, и всегда этот умный четвероногий друг моих соседей безошибочно находит дорогу домой.

Камней магическая сила

Люди всегда мечтали о бессмертии, и неподверженность камня времени для человека всегда подсознательно отождествляется с вечностью. Ни один из народов мира не миновал веры в магическую силу камней. Каменные идолы считались многими народами местом обитания богов. И это присутствие божества в камне для древнего человека обуславливало святость, священность камня. Так, на Соловецком архипелаге до сих пор сохранились загадочные каменные лабиринты, узоры заклинаний наших предков, выложенные мелкими камнями по каменному монолиту архипелага.

Учеными Московского университета в конце восьмидесятых годов прошлого века было сделано открытие, что кристаллическая решётка камня апатита (природного минерала) служит своеобразной матрицей молекулы жизни ДНК.

Камни обычно считают составной частью неживой природы. Но на самом деле минералы рождаются, претерпевают различные изменения, превращаются в другие минералы и горные породы. У каждого из них — своя судьба. Век их земной, конечно, неизмеримо больше человеческой жизни. Поэтому камни считаются вечными.

Страной, где зародилась и широко распространилась вера в силу камней, а особенно драгоценных камней, была Индия. В её сокровищницах встречаются самые редкие и красивые драгоценные камни.

Уникальна мастерская Природы — двух одинаковых камней не существует.

Обесцениваются деньги, но никогда не теряют своей ценности драгоценные камни. Так считали ювелиры прошлых веков. Но для человека в плане взаимосвязи с энергетикой природы, с энергией Космоса и земли имеет силу даже простой булыжник, лежащий на обочине просёлочной дороги. А камни, привезённые с гор, хранят в домах людей энергию земли. Энергию кипящей магмы хранит в вашем доме кусочек застывшей лавы, привезённой с Кавказа или Камчатки.

Но вернёмся к камням драгоценным, камням-талисманам, амулетам и оберегам.

Прекрасный, завораживающий и волшебный мир камня всегда был для человека загадкой. Драгоценные камни с незапамятных времен поражали человека чудесным блеском граней, потрясающей игрой света, изумительной окраской. Обычай использовать драгоценные камни для украшения и придания блеска торжественным обрядам восходит к далекому прошлому.

Красота, долговечность, редкость — таковы три главных достоинства настоящего драгоценного камня. Камни, которым не достаёт какого-либо из этих свойств, не могут претендовать на то, чтобы считаться драгоценными.

К перворазрядным драгоценным камням, помимо алмаза, относятся рубин, изумруд, сапфир, жемчуг.

Но наряду с природными драгоценными камнями уже много веков ювелирами используются синтетические драгоценные камни, которые стали вырабатываться в ходе развития научно-технического прогресса, имитация камня или стекло, выполненное под драгоценный камень, а также декоративные камни, не входящие в группу драгоценных камней, но широко используемые в ювелирной промышленности. К ним относятся, например, халцедоны, жад (жадеит и нефрит), ляпис-лазурь, бирюза и малахит.

Помимо камней-минералов в группу драгоценных и декоративных камней входят органогенные материалы, которые считаются драгоценностями, потому что представляют собой красивые объекты, но не являются «камнями» в прямом смысле, поскольку они не минералы, а образованы живой материей.

К ним относятся уже упоминавшийся жемчуг, кораллы, гагат, панцирь черепахи и смолы: янтарь, даммар, копал, шеллак и синтетические смолы.

Драгоценные и декоративные камни, которые обладают хотя бы слабой пористостью, могут подвергнуться во время носки химическому воздействию. Лучше не опускать бирюзу в жидкость, даже в воду, чтобы синевато-зелёный цвет не приобрел в результате окисления обесценивающий желтоватый оттенок. Камни, обрамлённые в золото и серебро, нельзя опускать в раствор аммиака.

Существует много различных определителей камней, подходящих человеку, — по гороскопу европейскому (знакам Зодиака), по месяцам; есть старинные и новейшие определители личного соответствия камней. Считается, что камни надо дарить. Хуже, когда человек сам покупает себе камни. В этом случае камню предстоит сжиться с его обладателем.

Многие тысячелетия камень был не только украшением, но и незаменимым лекарством, применявшимся и при самых серьёзных недугах — это хорошо знали врачи древности. Медицина тогда применяла в лечебных целях такие камни, как лазурит, нефрит, янтарь, малахит. Особое значение древние индийцы придавали лазуриту, прекрасному камню, похоже-

му на небо, — ведь священный Будда, покровитель врачей, восседает на глыбе лазурита. Здесь нельзя не заметить, что лазурит — это камень Весов, знака гармонии и красоты.

В настоящее время на основе нетрадиционной медицины и медицины древности разработано и действует такое направление, как литотерапия («литос» — камень). Но даже если человек не верит в целебную силу камней, красивый камень, содержащий энергию Космоса, доставляет его обладателю радость и удовольствие, а положительные эмоции всегда лечат.

В ночном поезде

Была поздняя промозглая осень. Скорым поездом Ленинград-Москва я возвращалась с берегов Невы. Меня срочно, ночным телефонным звонком, вызвала подруга. Ирина рыдала: «Приезжай, мы с Игорем разводимся». Я прекрасно знала, что этот брак уже нельзя было спасти, но... дружба превыше всего, и я поехала поддержать морально свою несчастную подругу. С грустными мыслями смотрела я в окно мчащегося по Валдайской возвышенности поезда, когда на одной из станций в наше купе вошла невысокая, стройная женщина лет сорока пяти. Изящное аквамаминоое платье, кольцо и серьги из горного хрусталя, маленький перстень с тем же горным хрусталем, а также узенькое обручальное колечко — все сочеталось с лучистыми темно-зелёными глазами женщины любящей и любимой.

Я люблю разглядывать людей в транспорте, пытаюсь мысленно заглянуть в их внутренний мир. И на этот раз я не изменила своей привычке. При свете ночника я изучала свою попутчицу. Вероятно, заметив мой взгляд, она заговорила со мной. Представилась. Её звали Марина Павловна. Под лёгкое сопение наших спящих соседей по купе мы разговорились. Я поведала о грустной цели моей поездки.

Посетовала на превратности судьбы.

Марина Павловна загадочно улыбнулась.

— Когда-то и я также думала, — начала она свой рассказ. — Но... всё по порядку.

В тринадцать лет я впервые влюбилась. Он был старшим пионервожатым в нашей школе, и, естественно, мне было суждено познать горечь безответной любви. Через год его призвали в армию, точнее, на флот, где он три года прослужил на подлодках. Демобилизовавшись, продолжил учебу в институте и... женился на своей соседке — бывшей однокласснице. Я в ту пору уже была студенткой медицинского института. Однокурсницы влюблялись, выходили замуж, рожали детей. А я? Обжёгшись на молоке, я дула на воду. Рядом много хороших ребят, но для меня они были просто товарищами. В память о первой любви (он ведь стал педагогом!) я выбрала специальность врача-педиатра.

Шли годы. Я жила жизнью, независимой от тягот семейного быта: каталась на лыжах, ходила на каток, в кино, в театры, на концерты. Ходила и в туристические походы. объездила всю страну и неоднократно побывала за границей. Так прошло много лет...

Однажды мне предложили возглавить отделение интенсивной терапии в одной из детских больниц Поволжья. Жизнь шла своим чередом. Я была до-

вольна работой, руководство — мной. И вот как-то раз к нам в отделение доставили двенадцатилетнего мальчугана. Двусторонняя пневмония, отягощённая лакунарной ангиной. Отец мальчика, военврач, воспитывал сына один. Мать Саши (так звали мальчика) умерла при родах. Девять дней жизнь едва теплилась в сжигаемом высокой температурой теле парнишки. Всё свободное от службы время Всеволод, отец Саши, проводил в нашей больнице. И вот на десятый день наступил перелом в болезни. Саша быстро выздоравливал. Спустя ещё двадцать один день мы выписывали его домой. За месяц я привязалась к мальчику и попрощалась с ним с большой грустью. Он показал себя сдержанным парнем, выросшим в мужском обществе. И вдруг, в момент прощания, он (а Саша в ту пору был уже ростом с меня), крепко прижавшись к моей груди, сказал: «Марина Павловна, будьте моей мамой!» И, отстранившись, заговорщицки посмотрел на отца. Всеволод улыбнулся: «И моей женой...» Я поняла, что это был мужской сговор отца и сына. Не знаю, что заставило меня сказать: «Я согласна».

Десять лет мы вместе. Жизнь полна и радостей, и трудностей, но каждый будничный день у нас праздник.

Любовь находит нас сама. Её нельзя ни отыскать,

ни удержать, — завершила свой рассказ Марина Павловна.

Пока моя попутчица говорила, я вглядывалась в её лицо. Ей максимум сорок пять, подумала я.

Наша беседа закончилась. Мы подъезжали к Москве. Проводница включила полное освещение, и я смогла лучше разглядеть лицо моей собеседницы. Передо мной сидела женщина лет тридцати семи — сорока. Даже остаток вчерашнего дневного макияжа её не старил. По рассказу Марины Павловны я поняла, что ей значительно больше лет. Однако следов «пластики» не было и в помине. Набравшись смелости, я спросила у моей попутчицы, сколько ей лет. Оказалось... пятьдесят два года! Марина Павловна весело рассмеялась:

— Этот секрет молодости известен давно. Его иногда называют «тайной египетских фараонов». Он предельно прост: назначь себе возраст, в котором ты желала бы всегда быть. Я выбрала оптимальные для женщины двадцать пять лет. И «заложила» в подсознание: «Мне двадцать пять лет и ни годом больше».

Муж Марины Павловны был в командировке, и на перроне её встречал сын. Мы попрощались.

Этот секрет молодости, который десять лет назад открыла мне моя попутчица, сегодня я дарю всем женщинам!

Кормушка

Каждый год с наступлением холодов я вывешиваю за окно кормушку для синиц. Незатейливый картонный домик-беседка — удобная столовая для этих изысканных птичек. Эти пернатые маленькие хищники очень культурны и никогда не станут устраивать алчных потасовок, как голуби или воробьи.

После затяжных осенних дождей, снегопада, оттепелей и промозглой слякоти наступили холода. И возле окон замелькали желтогрудые красавицы.

Итак, кормушка-беседка вновь повисла у оконного стекла. Дно её плотно застлало мелко нарезанное и слепленное аппетитной скатертью-самобранкой бело-розовое сало.

Около суток маленькое кафе «Бистро» оставалось незамеченным. Но вот на яблоне, что растёт вблизи дома, появилась, мелькнула желтая манишка. Московка оказалась внимательной и быстро приблизилась к новому общепиту. Вцепившись тоненькими лапками в кирпич оконного проёма и выяснив, что опасности нет, маленькая лесная дикарка скользнула вниз. Блюдо на вид и по запаху свидетельствовало, что оно не хуже, чем летние гусеницы и червячки, и синичка спикировала ближе к окошку-столику — на раму окна. Затем стремительно мет-

нулась на кормушку. Быстро и ловко схватив первую порцию свежего сала, она молниеносно улетела.

Дегустация прошла успешно. И вскоре на кирпичах дома, и вибрируя в воздухе, на рамах окна, и даже на подоконнике зависала, выстраивалась очередь гордых и независимых летом и голодных зимой птиц. Самые нетерпеливые, осмелев, нарушая законы рода, стали гнать засидевшихся завсегдатаев, пикируя на долго занятое место.

И вот наступают ранние зимние сумерки. Кафе «Сало» закрывается, чтобы утром, с рассветом, вновь быть готовым принять посетителей к трапезе.. И вновь закружится кормушка, постукивая о стекло окна.

Так будет до весеннего тепла.

Ведь все мы дети Природы.

Жизнь продолжается.

Зимы небесная лазурь

Утро. Холодное, стылое, зимнее утро.

Именно в такие холодные безветренные дни особенно красивыми бывают часы начавшегося утра, когда на востоке уже вовсю занялась заря, когда солнце, поднявшись на небосвод, играет лучами своими по окнам и стенам домов, а на западе, на горизонте, всё то же утреннее небо всё еще хранит светло-изумрудные тона предрассветных сумерек.

Но поднимите голову ввысь, в безбрежный небесный простор, в освещённую солнцем космическую бездну, и вас озарит её прекрасная сияющая лазурь.

Воздух чист и прозрачен. Солнце движется к зениту. Наступает короткий ясный зимний день.

Этюд

Вторая половина лета. Подмосковный лес. Сочная, заматеревшая зелень встречает усталого путника. Дождливый июнь сберёг яркость красок листвы. Июль пощадил зелень от ранней нежно-жёлтой «седины». словно вуаль, свисая с веток, неожиданно трогает лицо лесная паутина. Лишь хруст сухостоя под ногами нарушает такую непривычную тишину.

Чу! Вот раздался голос кукушки. К ней присоединилась переключка синиц, дроздов, сорок и дробный стук дятла. А вот и сам он в тёмном мантии и красной шапочке завис у кроны старой сосны. Серебристо-розовые с золотисто-терракотовым отливом чешуйки коры этого дерева — обиталище насекомых, которых и добывает оттуда вечный трудяга.

Живой струящейся нитью пересекает лесную тропинку семейство муравьёв. Значит, где-то здесь, в зарослях травы, а может, в дупле старого пня — муравейник.

Редко днём встретишь в нашем лесу его хозяина — ежа. Иглистый комочек — работник вечерней смены. Отсыпаясь днём среди зарослей зелени, коряг и буреломов, в сумерках отправляется ёжик на промысел. Колючий индивидуалист точно знает и тщательно оберегает «приватизированную» им тер-

риторию, где он собирает грибы и ягоды для еды и зимних запасов.

Разноцветье трав ковром устилает поляны и лужайки. Колокольчики нежным сиреневым отливом привлекают взгляд. Стелются клевера; гордо устремлённые к солнцу, поднимаются ромашки. Но вот среди зелени и цветов, словно маячок в безбрежном море, мигнул вам красный огонёк — ягодка земляники. Полная сока щедрых земли и солнца, висит ягодка, склоняя к земле нежно-зелёный тонкий стебелёк. И под ним, словно блюдечко, узорчатый трилистник листа. Прикрытые ими и травой, здесь рядом прячутся множество других таких же ярко-алых ягод — усы земляничной плантации.

Рыжим боком глянул из-под ели крупненький боровичок. Успев появиться в те несколько дождливых дней, что дали рост грибницы, он всем своим видом говорит: «Вот он я — ну разве не красавец!»

Наступит август с жёлтой сединой, пожухнут листья, побуреют шишки, но подмосковный лес своей красой живёт и будет жить, не зная передышки.

* * *

Запах крымских степей... Им повеяло вечером, на закате, среди подмосковной листвы. Ветер клёном шуршал, и прохладой веяло. И как будто лиманы тонули в степи. И как будто морская прохлада сходила на безбрежное море южных полей. И дурманом лаванды Таврида манила, зазывала напевом сарматских мечей. Тихий вечер спустился с небес Подмосковья... А душа тосковала в далёкой дали. И звала серенада Понтийского моря, и луна улыбалась в полночной тиши.

